

Бенефис "Современных записок"

Опубликовано 03.10.2010 19:00

Иван Толстой: Весной этого года в одной из наших программ мы рассказывали о начавшемся в Петербурге большом издательском проекте. Группа ученых под руководством профессора Бориса Аверина выпустила первый том знаменитого эмигрантского толстого журнала "Современные записки". Помимо факсимильно воспроизведенных страниц переиздание сопровождается обширным историко-литературным комментарием. Поскольку номеров у "Современных записок" было 70, то и переиздание рассчитано не на один год.

Надо сказать, что полный комплект этого парижского журнала, в котором печатался весь цвет российского изгнания, сохранился только в очень крупных библиотеках мира, и комментированные тома – это настоящий праздник русской культуры.

Но вот прошло несколько месяцев, и в Москве в конце сентября прошла презентация так называемого нулевого тома нового проекта. Дело в том, что недавно был найден затерявшийся на многие десятилетия архив редакции "Современных записок" - обширная переписка редакторов с авторами и между собой на самые разнообразные редакционные темы. Обнаружение такого клада, несомненно, внесет много ценных сведений в наше представление о золотой поре русской эмиграции. Нулевой том предваряет собственно саму публикацию переписки и называется "Вокруг редакционного архива "Современных записок". Сборник выпущен московским издательством "Новое Литературное Обозрение". В сегодняшней программе участвуют авторы и редакторы сборника.

Разговор начнет Олег Коростелев.

Олег Коростелев: "Современные записки" большинство эмигрантских критиков, как благожелательно относящихся к журналу, так и несколько негативно относящихся к нему, все равно, в один голос, признавали лучшим журналом эмиграции. Просто те, кто к журналу относился хорошо, добавляли, что это лучший журнал на русском языке за всю историю существования русской периодики, и с их точки зрения он ничуть не уступал дореволюционным изданиям, не говоря уже о том, что ничуть не уступал, а на несколько голов превосходил издания советские (разумеется, другого мнения от эмигрантов трудно было ожидать). Но даже те, кто относились к журналу негативно из-за его политических особенностей, все равно первенство его перед советской журналистикой признавали безусловно. А критика у "Современных записок" была такая, что позавидовать ему могло бы любое издание. Это практически все ведущие критики эмиграции от Ходасевича, Адамовича, Гиппиус, Бицилли - до политиков, философов, религиозных мыслителей и, в общем, последнего шофера - читателя этого журнала.

Иван Толстой: Вы могли бы дать какие-то примеры, показать диапазон этих оценок?

Олег Коростелев: Список рецензий на отдельные номера журнала опубликован в этом сборнике, а, кроме того, на недавно открывшемся сайте www.emigrantika.ru. Так вот, на сайте, в отличие от книги, присутствуют и полнотекстовые версии этих рецензий, если не всех, то примерно половины. Ну, цитировать там можно много, поскольку список рецензий насчитывает несколько сотен текстов, вывешено, соответственно, сотни две. Например, был такой небезызвестный персонаж - Дмитрий Владимирович Философов, член триумvirата Гиппиус и Мережковского. Вот в 1923 году он отзывался об очередной книге в своей собственной варшавской газете. Не без удивления, поскольку он был настроен к журналу не до конца восторженно, отметил, что этот номер ничуть не уступает дореволюционным изданиям. Вот цитата: "Такой состав беллетристического отдела и в добрые старые времена для любого толстого журнала мог быть признан богатым". А сама Гиппиус двумя годами позже,

когда журнал набрал силу, констатировала уже не просто равенство с дореволюционными журналами, но откровенное превосходство. Вот цитата: "Каждая новая книжка этого единственного толстого журнала и более удачная, и менее удачная, в высшей степени интересна. Так интересна, как не были, пожалуй, русские журналы начала века". "Начала века" - имеется в виду Серебряного века, расцвета русской журналистики. Негативно настроенные могли упрекнуть журнал в том, что он мало публикует молодых. Это было понятно. Журнал, который мог себе позволить делать выбор между Буниным и Шмелевым.... Ну, журнал не резиновый, все войти не могли. Хотя редакторы журнала сознавали эту критику и старались, по возможности, хотя бы изредка печатать молодых. И со временем практически все, так называемые, "молодые писатели", то есть писатели младшего поколения, все свои лучшие произведения публиковали именно в "Современных записках".

Иван Толстой: Известно, что Марина Цветаева упрекала редакторов, что они чужды поэзии и стихов не печатают. Как вы это прокомментируете?

Олег Коростелев: Я не знаю поэта, который был бы полностью доволен своими редакторами и издателями. В частности, "Современные записки", так ругаемые Цветаевой, печатали Марину Ивановну практически в каждом номере. И так, как печатали ее, мало кого печатали, разве что Бунина. Но он уже был близок к Нобелевской премии, а потом и стал ее лауреатом. А из поэтов так, как Цветаеву, не печатали никого, и это при том, что редакторы, осознавая свою как бы политическую линию, а не литературную, ни бельмеса не понимали в цветаевских стихах, но просто знали, что раз она знаменитость и известный поэт, то ее надо печатать, что бы она ни написала, даже если они ничего не понимают в этих стихах. И они честно признавались в этом, но печатали. По-моему, достойнее редакционного отзыва быть не может.

Иван Толстой: "Современные записки" позиционировали себя как журнал, старавшийся стоять вне партийных предпочтений, вне заранее заданных линий. И тем не менее, претензии к ним предъявлялись именно за политический отбор. В чем тут было дело, Олег Анатольевич, где собака зарыта?

Олег Коростелев: Я бы не сказал, что они позиционировали себя совсем как не политический журнал - все пятеро редакторов были членами Партии эсеров, не расставались с партией, линию партии старались выдерживать, насколько это было возможно. Другое дело, что, как любой толстый журнал, "Современные записки" был литературно-критическим и общественно-политическим одновременно. То есть, там было два больших раздела. Литературный, в который действительно они старались не вмешиваться, отдав поэзию и прозу на откуп (не полный, но частичный) консультантам журнала, а именно Федору Степуну - раздел прозы, и Цетлину - раздел поэзии. Доверяли своим консультантам и верили, что если Цетлин отобрал этих поэтов, то их надо печатать, даже если старые политики-эсеры сами этой поэзии, может быть, полностью не разделяют, но так надо.

А вот что касалось общественно-политического раздела, то здесь они могли себе позволить не печатать, например, ничего просоветского, и они полностью продолжали эту линию все двадцать лет существования журнала, и печатать, в общем, партийно-политические статьи, что они тоже продолжали делать. Они много писали о земстве, о воспитании молодого поколения именно с эсеровской, партийной точки зрения. Но при этом их задача была еще и дойти до относительно широкого читателя, может быть, широкого не совсем в нашем понимании, они все-таки ориентировались на средне-высшие классы интеллектуального читателя эмиграции, а это была очень высокая планка, но, тем не менее, они старались увлечь всех, и это им удавалось. Поэтому в крайности они не бросались, но они и полемизировали, хотя и мягко, и, в общем, стремились выдерживать, и это им удавалось. Но когда дело доходило до каких-то крайних и вопиющих моментов, да, они не могли наступить на горло собственной

песне. И когда Набоков, как человек эстетствующий до мозга костей, предлагал им написать то, что им казалось пародией на Чернышевского, не могли они такого представить, поэтому эту главу они попросили его все-таки не публиковать в их журнале, а остальные главы все честно напечатали. А целиком роман вышел уже позже в издательстве.

Такое было, но таких случаев было за все двадцать лет буквально три-четыре. Я считаю, что любой журнал так или иначе вынужден отбирать, и это нельзя назвать в полном смысле вот так уж цензурой. Ну, а что такое редакционный отбор, в конце концов? Он же у любого издания должен быть, не может же журнал печатать вообще все. А какие-то пристрастия, хотя бы минимальные, у редакторов должны быть. И вот я, глядя на полный объем всего опубликованного в журнале, и на то, что все-таки в журнал не попало, считаю, что эту слабость редакторам можно простить. Да, у них были и такие настроения, да, сейчас некоторым может показаться немножко смешным такой пиетет перед Чернышевским. Но они были люди того времени и сделали все, что смогли. И я в их огород камень бросить не могу, хотя, разумеется, недовольных редакторами было много.

Но я не припоминаю, честно говоря, ни одного издания, редакторы которого бы авторами принимались на ура. И в этом смысле редакторы "Современных записок" были людьми скорее мягкими, ну, по крайней мере, часть из них. Скажем, Фондаминский был не просто обходительно-вежливо-мягкий практически со всеми авторами, а так обхаживал их в переписке, которая сейчас готовится к изданию, что трудно представить себе.

Были более жесткие. Руднев занимал промежуточную позицию, а вот, скажем, Вишняк, он действительно был человек резкий, жесткий и практически все выбрасывания шли, скорее, по линии Вишняка. Но, тем не менее, окончательное решение принималось коллегиально. И если все были за, то и Вишняк, скрипя зубами и скрепя сердце, вынужден был идти на уступки, даже если он не согласен был с остальными членами редакции.

Иван Толстой: К разговору о журнале "Современные записки" подключается историк Олег Будницкий, написавший для сборника о редакционном архиве журнала статью, посвященную сотрудничеству в нем видного кадета Василия Алексеевича Маклакова.

Олег Будницкий: Василий Алексеевич Маклаков для журнала был одним из самых плодотворных и, сначала, очень желанных авторов. Потом он стал не слишком желанным, когда редакторы журнала, хотя и правые, но эсеры, познакомились с тем, что Маклаков пишет. Ведь главная публикация Маклакова в "Современных записках" - это были его "Воспоминания из прошлого". Я был уверен, что это самый объемистый, самый длинный текст, который был опубликован в журнале. Но вот Олег Коростылев уверяет, что это был цикл статей Фондаминского "Пути России". Но, кто теперь помнит, при всем почтении к памяти Фондаминского, "Пути России"? А что касается воспоминаний Маклакова, которые впоследствии уже вышли в книжном издании под названием "Власть и общественность на закате старой России", так это одна из основополагающих книг по истории российской политической и общественной жизни начала XX столетия. И без этих трех парижских томов, первоначально печатавшихся в "Современных записках", - никуда. Так что, я думаю, что вот этот текст Маклакова - один из самых значительных из тех, которые были опубликованы в "Современных записках". И инициатива, кстати говоря, привлечь к сотрудничеству Маклакова, исходила от редакции "Современных записок" и, конкретно, от Ильи Исидоровича Бунакова-Фондаминского, который встречался с Маклаковым по четвергам в Париже, за завтраками, поздними по-парижски, у Софьи Григорьевны Пети, урожденной Балаховской, из Киева, жены Эжена Пети, как его называли на русский манер - Евгения Юльевича, французского дипломата и политика, который был одно время секретарем, заведующим канцелярией президента Мильерана, и одно время был французским представителем, если не ошибаюсь, консулом, одним из важных чиновников французского посольства в Санкт-Петербурге. Вот по четвергам там встречались за завтраком, кроме Маклакова и Фондаминского, - Марк Александрович Алданов, бывал иногда Гучков, Бунин, Керенский бывал регулярно. В общем, компания была

как будто и разношерстная, и в то же время объединенная некими общими интересами, хотя в нюансах, как мы знаем, они довольно прилично расходились, но, видимо, большинство из них было близко по масонской линии. И, конечно же, за этими завтраками Маклаков очень часто солировал.

Он был великолепный рассказчик, это известно, и я неоднократно писал об этом и пытался анализировать этот дар. Маклаков был вообще лучшим оратором России начала века и лучшим не только в судебном зале, в зале судебных слушаний, (он все-таки был адвокатом и называли его "московским Златоустом"), он не потерял своего ораторского дара и в Думе. Это, между прочим, бывало нечасто. Скажем, такой Златоуст как Плевако (ведь его фамилия даже стала нарицательной, говорили: "Приглашу московского Плевако", то есть адвоката, красная, Златоуста), и вот Плевако в Думе совершенно потерялся, он там был никакой, а Маклаков стал думской звездой и, вероятно, самым блестящим думским оратором. Его ходили слушать, как приму-балерину какую-то смотреть или певицу. Кроме того, Маклаков был изумительным рассказчиком, об этом все пишут. И Бунаков-Фондаминский слушал эти рассказы и наверняка воображал, как было бы здорово, если бы эти тексты, записанные, появились на страницах "Современных записок". Он же был редактором и понимал, что, кроме всего прочего, журнал должны читать, а там, как он признавался в письмах, в общем, было много скучных текстов. Что правда. Они были важные, они были нужные - философские, историософские, политические, но журнал читают потому, что он интересен, а не потому, что там печатаются какие-то глубокие статьи, которым бы место могло быть в ученых записках какого-нибудь университета.

И вот он перепоручил Вишняку связаться с Маклаковым. И, кстати говоря, для Вишняка это была болезненная тема, потому что Вишняк был таким ортодоксальным эсером, а Маклаков был еретик даже для Партии кадетов, он был самым правым из кадетов. Но началось вполне мирно, потому что Вишняк к нему обратился. Кстати, Вишняк был уверен, что Маклаков так ленив, что он ничего не напишет. И глубоко ошибся. Маклаков на самом деле обладал большой работоспособностью, но вот то, что он ничего не писал, это была правда, к счастью - он диктовал, и потом эти диктовки расшифровывались, перепечатывались и давались ему на правку. Поэтому это живая устная речь, но немножко подредактированная. И он предложил Вишняку текст своего выступления на Дне русской культуры (это был день рождения Пушкина, отмечался он в эмиграции) - его речь в виде статьи "Русская культура и Пушкин", - это вообще шедевр, с моей точки зрения, бесспорный шедевр и по глубине мысли, и по блеску изложения. И речь там, вы думаете, о чем шла? О личности и государстве, о пределах власти государства и о пределах прав личности, ибо государство имеет тоже свои права, считал Маклаков. И вот найти этот баланс между правами личности и государства - это одна из, так сказать, генеральных идей и вечных проблем, которые обсуждал Маклаков. Это такой гимн свободе и гимн личности. Маклаков, который был, в общем-то, государственный, при всем при том, что права человека для него были святы, вот он говорил, что "государство может Пушкина уничтожить, а создать Пушкина не может".

Иван Толстой: Что же такое архив журнала и почему сборник называется "Вокруг редакционного архива"?

Олег Коростелев: Дело в том, что вышедший том - это предварительный том, так называемый, "нулевой том" большого научно-исследовательского и издательского проекта по работе над архивом "Современных записок". Том включает в себя материалы конференции, посвященной грядущему изданию архива "Современных записок", а вслед за этим томом должны последовать еще четыре очень больших и толстых тома, представляющих собой собственно материалы архива. Первый том - это внутриведомственная переписка редакторов друг с другом, и следующие три тома - это переписка редакторов с авторами, то есть с Буниным, Алдановым, Бицилли, Адамовичем и многими другими, там десятки авторов, практически весь цвет эмиграции. В проекте участвует более 20 человек из 10 стран мира:

Франция, Италия, Россия, США, Германия, и так далее. И работа эта ведется уже несколько лет и, в общем, близка к завершению. Мы надеемся, что уже на следующий год, по крайней мере, первые тома этого четырехтомника увидят свет, потому что они вчерне уже готовы, остается редподготовка и кое-какие мелкие детали: где-то недописанные статьи, незаконченные примечания, то, что надо доделать. В течение нескольких месяцев эта работа будет завершена, и, надеюсь, что мы увидим и эти толстые тома, на мой взгляд, весьма интересные, во всяком случае, для историков эмиграции, для историков литературы, для просто историков XX века, включающих самые разные дисциплины. Для военных историков, экономистов это все первостепенный материал, потому что "Современные записки" печатали не только художественные произведения, не только свои политические статьи, но и общественные, сугубо научные, которые интересны будут, скорее, экономистам, физикам, технологам, менеджерам. И масса другого интересного материала, то есть, по самым разным дисциплинам.

Иван Толстой: Олег Анатольевич, а когда в Англии был обнаружен издательский архив, нашлись ли в нем какие-то интересные фотографии авторов и редакторов?

Олег Коростелев: Архив "Современных записок", строго говоря, представляет собой несколько разных частей. Некоторые из них известны — то, что попало, скажем, в бумаги Вишняка, известно и, даже, частично публиковалось. То, что осело в архиве Руднева (так получилось, что его бумаги попали в огромный фонд, так называемого, Земгора - Земско-городского союза вместе с массой таких входящих и исходящих довольно скучных для историка литературы, просто неинтересных документов, это немножко другая область), эти бумаги не были опознаны вплоть до недавнего времени. Буквально несколько лет назад они были вычленены именно как архив Руднева, то есть часть архива "Современных записок", хранящаяся в Британии, в русском архиве Лидса. После этого и возникла идея опубликовать их. Но постепенно проект разросся, включил в себя и те части, которые находятся в Америке, из архива Вишняка. А, кроме того, когда мы уже разохотились, то стали собирать и мелкие осколки, которые были в архиве Дома-музея Цветаевой, в РГАЛИ, в ГАРФе, то есть, в десятке примерно самых разных архивов.

И вся эта мозаика, в результате, сложилась в единую картину. Причем, она все равно не полная. Архив самого Бунакова-Фондаминского погиб, по известным причинам, потому что сам Бунаков-Фондаминский погиб в немецких концлагерях, и архив Степуна, богатейший архив, погиб при пожаре Дрездена во время бомбардировки во Вторую мировую войну. Но даже то, что осталось, представляет собой несколько тысяч писем. То есть, блоки таких, казалось бы, не очень в эпистолярном жанре плодовых людей как Бунин... Вот блок бунинский, например, представляет собой 183 послания с обеих сторон, то есть, это 200 страниц текста, почти целое исследование, целая книга. И таких не одно, такое же - Мережковского, Гиппиус, Гессена, и целый ряд очень крупных корпусов переписки будет представлен в этих книгах. Если бы сохранилось все, было бы, конечно, замечательно. Но архивы XX века у нас известно как сохранились: несколько войн и другие политические потрясения помешали этому отложиться так, как хотелось бы.

Проект "Современных записок" имеет еще одну часть - помимо и научно-исследовательской, и бумажной издательской части еще и электронную. Материалы "Современных записок" размещены на специально созданном для этого сайте www.emigrantika.ru. Там висит полный комплект "Современных записок" в PDF формате, причем, читаемом PDF формате, так что работает поиск и даже копирование, хотя и, так называемое, грубое, с ошибками, но, тем не менее, в 80 процентах можно пользоваться поиском и копировать, исправляя "яти", старую орфографию и опечатки, как нравится. Но на вид это полная и точная картинка оригинального журнала, со всеми иллюстрациями и опечатками.

А помимо самого комплекта "Современных записок", там же вывешены списки критических отзывов современников на отдельные номера журнала, полемические отзывы, и не только списки, но и во многом сами тексты этих критических отзывов, статей и рецензий,

литературоведческих и исторических исследований о "Современных записках" и много чего еще вокруг научного аппарата. На этом же сайте есть и другие журналы, помимо "Современных записок". Они, может быть, сразу сейчас нас и не заинтересуют, но там еще около трех десятков также подготовленных журналов и, хотелось бы надеяться, что это только начало большого портала по русскому зарубежью.

Иван Толстой: Мы возвращаемся к беседе с участником сборника "Вокруг редакционного архива" Олегом Будницким. Напомню, что речь идет о том, что редакторы Современных записок уговорили Василия Маклакова написать свои воспоминания.

Олег Будницкий: На свою беду они уговорили его написать воспоминания о его прошлой дореволюционной деятельности. Я уже говорил, что этот текст назывался "Из прошлого", и он растянулся публикацией на 8 лет - с 1929 года по 1936-й. Это, с одной стороны, историософия, точка зрения правого кадета, как написал тот же Вишняк, если мне память не изменяет, с другой стороны, там, кроме размышлений о прошлом и обвинения своей партии в том, что она была на самом деле и не вполне либеральной партией, партией весьма радикальной и партией, которая не захотела пойти на компромисс с властью, хотя власть, как будто, по Маклакову, была на этот компромисс готова, с чем большинство современников не согласилось, с его интерпретацией.

Кроме этой историософии, там много чего другого, это требует отдельного анализа, не буду углубляться в эти историософские дебри, там множество интересного. Там, скажем, блестящая характеристика графа Витте, с которым он познакомился уже в период его отставки за границей, его замечательный портрет, там зарисовки политической жизни начала века и просто быта, нравов. Там множество интересных кусочков и фрагментов. Эта книга, конечно, заслуживает того, чтобы ее переиздать в наши дни (насколько я помню, ее никто так и не переиздал) и читать не только для того, чтобы понять, что происходило с Россией, но просто для удовольствия. Это здорово написано, точнее, это здорово рассказано и потом записано.

Но для эсеров это был нож острый, и публикация текстов Маклакова нередко, начиная с первого же номера, сопровождалась публикацией статей-противоядий. И в том же номере, в котором началась публикация мемуаров Маклакова, вышла статья Вишняка "Русская революция. Кануны и свершения". В этой статье Вишняк писал, что все то, что пишет Маклаков, это неправда, это неверно, это ошибка, это неверная интерпретация. И не печатать не могли, и публиковать без таких дополнений тоже не могли. И Вишняк обрушился на Фондаминского: давайте прекратим, он все время какую-то историософию нам подсовывает вместо воспоминаний. И такая блестящая фраза там была в одном из его писем, что Маклаков честно предупредил, что "мы покупаем кота в мешке". А ведь это не был сразу написанный текст, Маклаков писал эти тексты к каждому номеру, издатели не знали, что они получат. Только у самого Маклакова, по ходу писания, за эти восемь без малого лет, не было такого четко продуманного плана. Какие-то мысли приходили ему в голову, он куда-то в сторону уходил. В этом прелесть этого текста. Когда-то это историософия, когда-то воспоминания, когда-то портреты, бытописание, все вместе, в одном, что называется, флаконе. И вот это сочетание дает совершенно неповторимый и изысканный аромат, я бы сказал.

Вот видите, каким языком я стал выражаться, Маклаков, который писал просто, меня бы не одобрил.

Привлекли Милюкова, тяжкую артиллерию, потому что, по существу, Маклаков атаковал лидера партии Милюкова в своих воспоминаниях, тот написал две огромные статьи против маклаковских воспоминаний, против, точнее, маклаковской интерпретации. Но, что удивительно, что эти тексты маклаковские продолжали печататься, несмотря на то, что (я привожу цитату из письма Вишняка Фондаминскому, напомню, что он писал, что Маклаков честно предупредил, что "вы покупаете кота в мешке"), и, - писал Вишняк, - "кот оказался паршивый и блудливый". Вот что, с точки зрения ортодоксального эсера, из себя представлял

Макалков со своими воспоминаниями. Но воспоминания, в конечном счете, закончились публикацией в "Современных записках".

Я думаю, что все-таки при том, что "Современные записки", при претензиях на некоторую не партийность, были все-таки партийным журналом, но они пытались следовать неким канонам свободы слова, хотя иногда с Макаловым договаривались, что он выкинет то или это. Такое бывало при публикации некоторых фрагментов его воспоминаний.

Они это допечатали до конца и, хотя книгу они не выпустили в издательстве "Современные записки", она вышла в "Иллюстрированной России". Тем не менее, первоначальный вариант появился в "Современных записках", и это, конечно, с моей точки зрения, как историка, самый важный текст, который касается русской истории, опубликованный на страницах "Современных записок".

Иван Толстой: Еще один редактор и автор сборника – немецкий исследователь Манфред Шруба. Ему принадлежат здесь несколько статей. Одна из них о судьбе одного из редакторов Современных записок – Александра Гуковского.

Манфред Шруба: Александр Гуковский эмигрировал из России в 1919 году и успел появиться в Париже ко времени, когда группа эсеров смогла добиться с помощью Керенского у чешского правительства суммы денег на основании толстого журнала за границей. Он был делегирован конгрессом эсеров в роли одного из редакторов журнала. Этих редакторов, было, как известно, пять: Авксентьев, Вишняк, а также Фондаминский и Руднев. Он, как известно, совершил в январе 1925 года самоубийство. Гуковский вел свою роль редактора в Берлине вплоть до июня 1924 года безупречно, но летом 1924 года у него произошло душевное заболевание и он был временно отстранен от дел редакции. Его снова пригласили участвовать в конце года, он, видимо, уже в здоровом уме был, но ослабленный своей болезнью он решил покончить с собой в январе 1925 года.

Иван Толстой: Другой герой Манфреда Шрубы – живший в Праге литературовед Альфред Бем.

Манфред Шруба: С Альфредом Бемом - особенная история. Бем был интереснейшим человеком, интереснейшей личностью русской эмиграции и одним из, с сегодняшней точки зрения, самых выдающихся критиков. И его сотрудничество в "Современных записках" как будто не состоялось - он опубликовал всего лишь две случайные статьи и около 10 рецензий. Вот и все. А переписка сохранилась достаточно объемная, то есть, велись постоянно переговоры с редакцией, переписка о возможных формах привлечения его. Ничего из этого не состоялось. Он все время предлагал какие-то свои статьи, а редакция под различными предлогами отклоняла эти предложения. Очень запутанная история, которую я стараюсь изложить и выяснить.

Иван Толстой: При "Современных записках" несколько лет существовало издательство. О его продукции также написал Манфред Шруба.

Манфред Шруба: Идея издательства возникла у Фондаминского, этого идейного центра, мотора журнала и издательства, в конце 1927 года. Сохранились письма к Бунину, где он ему именно об этом рассказывает. И идея возникла с тем, что, по ощущениям Фондаминского, к этому времени в эмиграции не было ни одного настоящего издательства, где бы русский писатель мог бы напечатать свои произведения. Это было на самом деле не так, но это было ощущение Фондаминского. И издательство было основано год спустя, осенью 1928 года, просуществовало оно до 1940 года. В первые годы оно процветало, в среднем выходило по 8-9-10 книг в год, но в связи, с одной стороны, с мировым экономическим кризисом, с другой стороны, с личными проблемами в семье Фондаминского (у него смертельно заболела жена),

Фондаминский утратил временный интерес к этому своему детищу, и издательство как бы замерло.

Деятельность возобновилась во второй половине 30-х, возникли две новые сферы: серия "Русские поэты" и вторая серия - "Русская научная библиотека". Помимо того, издавались еще книги как бы без серий, просто при издательстве "Современные записки". Последними книгами были две повести Алданова, вышедшие весной 1940 года. В общей сложности продукция издательства насчитывала 53 книги, если я хорошо помню. Так что это было, на фоне других эмигрантских издательств, даже сравнительно успешное и широкомасштабное издательство. Среди авторов издательства были, как правило, авторы и самого журнала, то есть, скажем, Федор Степун, Иван Бунин, Борис Зайцев, Алданов, Милюков, Осоргин, например, авторы журнала, близкие знакомые, отчасти, редакторов журнала. Была такая практика, что сохранялся набор журнала иногда, чтобы удешевить продукцию книг. Таким образом вещи, которые печатались в самом журнале, потом выпускались в виде книг.

Иван Толстой: Мой следующий собеседник Николай Богомолов, одна из публикаций которого посвящена связям Зинаиды Гиппиус с журналом.

Николай Богомолов: Зинаида Гиппиус была одной из самых активных вкладчиц "Современных записок", потому что достаточно рано она начала печататься, а кончила совсем незадолго до того, как журнал прекратил течение свое. Но вместе с этим, если посмотреть на динамику ее работы в "Современных записках", то выясняется, что в какие-то моменты она к ним была чрезвычайно близка и готова была, простите меня за выражение, слиться в экстазе с этим журналом, а в какой-то момент вдруг выяснялось, что она абсолютно с ними не имеет никакого контакта, воздвигала между собой и редакторами, с которыми со многими она была чрезвычайно близка, такую достаточно серьезную стену. Потому что все-таки журнал вел политику, которая должна была проецироваться на общее дело, творимое всей русской эмиграцией. А Гиппиус была к этому не готова, Гиппиус хотела, чтобы это общее дело имело ее неповторимый, собственный акцент, и когда этого не получалась, она реагировала достаточно сложно и не была готова сотрудничать с журналом. Она отказывалась от публикаций, отказывалась что-то выполнять, какие-то редакционные заказы. В общем, это были отношения достаточно сложные, но, вместе с тем, замечательные, потому что было очевидно, что и журнал был нужен Зинаиде Гиппиус, и она тоже была нужна журналу.

Иван Толстой: В известной степени, политические установки редакции должны были быть ей близки. Все-таки, эсеры.

Николай Богомолов: Мережковские ведь в годы эмиграции совсем неоднозначно были людьми эсеровской ориентации. Не случайно в 1927 году они так охотно пошли в "Возрождение", и даже не под редакцией относительно умеренного Струве, а под редакцией Семенова и Маковского, людей, которые гораздо более прямолинейно пропагандировали православие, самодержавие и народность. На какой-то момент Мережковский и Гиппиус с этим были готовы примириться. Потом Гиппиус с этим поссорилась и готова, наверное, была вернуться в "Современные записки", но уже ситуация сложилась так, что с этим ничего не получилось. Думаю, что здесь все это нужно проследивать на очень тонких нюансах и, может быть, когда выйдет книга самой переписки Гиппиус с редакторами "Современных записок", там будет это гораздо более ясно и гораздо более очевидно.

Иван Толстой: Другая публикация Николая Богомолова в сборнике названа "Современные записки" в русском литературоведении 2000-х годов". Николай Алексеевич, раскройте, пожалуйста, это заглавие.

Николай Богомолов: Мне кажется, что, вообще говоря, история русской журналистики применительно к эмиграции при всем том, что на нее пытаются смотреть достаточно объективно, все-таки этот взгляд во многом, к сожалению, восходит ко взглядам советской эпохи, когда кажется, что если какая-то партия финансировала журнал, то, значит, она имела там полную... И, в соответствии с известной статьей Ленина "Партийная организация и партийная литература", определяла абсолютно все то, что могло бы быть в публикациях того или иного человека. На самом деле это было не так, и "Современные записки" являются блестящим доказательством того, что это не так. Получалось, это был журнал, который преодолевал свою политическую ориентацию, определенную тем, кто был редакторами и от кого получали деньги. Это был журнал, который стремился к такой объективации всего, что происходит в русской литературе. Поэтому я и старался первой своей статье посмотреть на то, что пишут о "Современных записках" сейчас, и с сожалением фиксировать, что далеко не все там так хорошо.

Иван Толстой: Еще одна фигура, без которой была бы искажена картина русской эмиграции и жизнь "Современных записок", - это Владислав Ходасевич. Сотрудничество Ходасевича с журналом было долгим и драматическим. Драма коренилась не во взаимном непонимании или различных взглядах на литературу (хотя было и то, и другое), но уже хотя бы в невозможности для Ходасевича жить с "Современных записок". Он нуждался в гонорарах, причем еженедельных, а их давали только газеты, из которых Ходасевич выбрал "Возрождение". Это была поденщина, писать так называемые "фельетоны", то есть буквально "листки" (газетные листки) приходилось к каждому четвергу, и это отнимало решительно все силы. Мечтой же Владислава Ходасевича была книга о Пушкине, давно начатая, местами написанная, местами только намеченная, для которой требовалось время и хотя бы немного свободных средств. В письме редактору "Современных записок" Вадиму Рудневу летом 1938 года Ходасевич писал:

"Я окончательно убедился, что кроме возрожденческой работы уже ни на что не способен. Я измотан окончательно, вдребезги. Опросите всех сотрудников "Современных записок" — и Вы увидите, что никто из них не работал, как я, двенадцать лет без отдыха ни на единую неделю, и никто не пишет по полтора листа в месяц. Работу на "Возрождение" надо либо не прерывать ни на минуту, либо прервать раз навсегда — а этого я не могу сделать. Я мечтал летом написать что-нибудь для вечера, который мне необходимо устроить и без которого я не проживу, - а не написал, и не напишу тоже ничего, и пытаться на этот раз уже не стану, - сил нет! Мне приходится поставить крест на всем, что не для "Возрождения", как уже принужден я был поставить крест на своих стихах. Я не в отчаянии только потому, что все в мире идет к чертям, и уж тут о личной литературной катастрофе жалеть не стоит".

Еще в 1932 году, сравнивая насквозь литературные сборники "Числа" (с которыми он враждовал) с общественно-политическими "Современными записками", Ходасевич писал:

"Современные записки" имеют определенное политическое лицо и преследуют известные политические цели, тогда как "Числа", в общем, стоят далеко от политики; что "Современные записки" руководимы группою политических, а не литературных деятелей, - во главе же "Чисел" стоят именно литераторы. Отводя значительную часть журнала литературе, политические деятели, стоящие во главе "Современных записок", делают важное культурное дело, которое все же не составляет их главной цели. Если в глазах читающей публики "Современные записки" оказались журналом преимущественно литературным и если литература составляет его главную притягательную силу, то произошло это по особым причинам, воистину "от редакции независим". Роль вершительницы литературных судеб выпала на ее долю случайно и неожиданно".

Приведенные цитаты мы взяли из публикации Джона Мальмстада "Владислав Ходасевич и "Современные записки".

И завершит нашу программу Ирина Прохорова, благодаря которой это издание смогло вообще состояться. Если мотивация авторов и составителей всегда понятна – увидеть свое

детище выпущенным в свет, то у издателя всегда своя позиция. Зачем "Новому литературному обозрению" этот том?

Ирина Прохорова: Мне кажется, что вышедшая книга очень вписывается в стратегию издательства "НЛО", потому что, честно говоря, с самого начала, скажем так, программой максимум или, если говорить выпендренно, мегастратегией издательства было все-таки пересмотреть кардинальным образом вообще историю русской литературы. Потому что то, что мы сейчас до сих пор имеем, это все-таки разновидности такой официальной истории советской литературы, к которой, так или иначе, пытаются пристегнуть какое-то количество авторов, которые были запрещены при советской власти. Но сама система координат остается той же самой. И в этом смысле до сих пор исследования происходят, ну, вот есть там женская литература, есть андерграундная литература, есть какой-то мейн-стрим, который никто толком не определяет, что это такое. А задача-то "НЛО" в некотором смысле посмотреть на многообразие развития русской литературы, особенно в XX веке. Возможно, она растекается на несколько рукавов, возможно существует единый некоторый ствол русской литературы. Но во всяком случае нам очень интересно посмотреть весь объем знаний о литературе и культуре XX века и попробовать, на основе публикуемых текстов, исследований или самих текстов, просто, действительно, серьезно провести исследовательскую работу.

И мы специально эмиграцией, как отдельным явлением, не занимаемся, но у нас были замечательные сборники, посвященные Набокову, которые, мне кажется, серьезно пересматривают творчество автора, во всяком случае, добавляют туда очень много важных элементов. У нас, например, прекрасная была монография Ирины Каспе "Искусство отсутствовать: незамеченное поколение русской литературы" - это о творческой элите детей Первой эмиграции, как, например, Поплавский и прочие, которое было такое трагическое поколение, которое так и не нашло своей идентичности. У нас есть целый ряд исследований, которые так или иначе затрагивают эту проблематику или описывают творчество. Поэтому, мне кажется, выход этой публикации вполне логичен, потому что мы хотим закрывать лакуны, которые до сих пор зияют в истории русской словесности. И, по-моему, это уникальный проект, поэтому издательство "НЛО" с удовольствием решило его поддержать, поскольку мы позиционируем себя как издательство, которое ищет какие-то интересные проекты.

<http://www.svoboda.org/content/transcript/2182979.html>